

• Автор: [Татьяна Становая](#)

ОНФ: партия без власти?

Владимир Путин все чаще встречается с активистами Общероссийского народного фронта, оказывает им всяческое содействие, говорит об особой роли. Активно обсуждается и вариант, при которой именно ОНФ станет «шапочным брендом» для всех пропутинских сил на намеченных на сентябрь выборах депутатов Госдумы. Какое реальное место занимает ОНФ в системе неформальных политических связей?

ОНФ появился в мае 2011 года, когда еще не было достоверно известно, пойдет ли Дмитрий Медведев на новый срок или нет. Однако команды и Путины, и Медведева готовили своих «боссов» к предстоящей кампании. Каждого – к победной. Как писал в своей книге «Вся кремлевская рать» Михаил Зыгарь, Путину потребовался «новый Сурков» – и им стал тогда еще глава аппарата правительства Владислав Володин. ОНФ создавался к выборам 2011-2012 годов: «Единую Россию» планировалось передать Медведеву, как будущему премьеру, а Путину нужно было вступить в кампанию с обновленным багажом, более широкой коалицией моральных авторитетов. Был придуман Институт социально-экономических и политических исследований, который должен был писать Путину программу и Фронт, объединяющий «все здоровые силы». Однако в итоге Кремль обошелся собственными силами, тем более, что с августа Путин уже был практически одной ногой в Кремле, и дополнительные костыли в виде ОНФ оказались не очень и нужны. Программа в итоге писалась в администрации президента, ОНФ был лишь статистом на выборах. С активом фронта Путин встретился уже будучи избранным президентом, в марте 2012 года.

До 2013 года ОНФ существовал только виртуально: организационный съезд, учреждающий движение, прошел только спустя два года после появления самого фронта. Но даже после этого развитие тормозилось: например, попытки сформировать региональную сеть в тех субъектах, где готовились выборы, тормозились из-за противоречий между движением и партией власти. Офисы ОНФ открывались на базе общественных приемных Путина и фактически ОНФ до 2013 года был аналогом института его доверенных лиц.

Возможно, ОНФ еще долго оставался бы своего рода политической декорацией, коими Кремль обзаводится регулярно, если бы не кризис 2014 года: санкции, противостояние с Западом, падение мировых цен на нефть и т.д. Главный внутривластный вызов – пережить выборы 2016 года. Кремль начал страховаться, опасаясь роста политических рисков, исходящих как «снизу» (падение уровня жизни населения делало вопрос об электоральной поддержке власти непредсказуемым), так и со стороны внесистемной оппозиции, регулярно атакующей Путина и его окружение. В начале 2014 года была возвращена смешанная избирательная система, по которой половина депутатов избирается в одномандатных округах: это значительно расширило для Кремля поле для маневра. Если раньше «единоросс» был единственным представителем Путина в парламенте, то теперь условные «путинцы» могут легко пробраться в парламент под видом и «единороссов», и «фронтвиков».

Однако казус положения ОНФ заключается в том, что везде, где он выполняет те или иные функции, ему приходится быть суррогатом. Главный парадокс ОНФ состоит в том, что фактически это «партия власти» без власти. Неформальные функции этого общественного движения, существующего за счет добровольных пожертвований, впечатляют: по запискам ОНФ отправляют в отставку губернаторов, отчитывают региональных чиновников, критикуют правительство. ОНФ не стесняется жестко одергивать чиновников, грозить им отставкой и при этом чувствовать себя такой привилегированной

исключительно путинской никому ничем не обязанной силой. Фактически ОНФ в определенной степени выполняет функции политической партии, но с той лишь поправкой, что свое «правление» она осуществляет не через парламент, а через Путина и администрацию президента. А так как Путина и администрацию президента в данном случае интересует исключительно рейтинг, то ОНФ работает на рейтинг Путина, не имея прямой возможности бороться за места в парламенте. В этом и парадокс: «ЕР» имеет мандаты, но принимает неудобные, непопулярные решения, а ОНФ занимается популизмом, но не лишен своих мандатов.

Все разговоры о том, что у ОНФ есть свои депутаты в нижней палате парламента актуальны лишь до той секунды, пока не приходится нажимать на кнопку «за»: тут всякий «фронтовик» тут же преобразуется в дисциплинированного «единоросса». Да и провести четкую грань между ОНФ и «ЕР» невозможно: в ОНФ входят видные «единороссы», а по итогам выборов 2011 года, 14 из 85 прошедших в парламент «фронтовиков» оказались членами партии (и большинство из внепартийных потом вступили в «ЕР»). И неудивительно, что для некоторых эта процедура становится все более болезненной. В 2013 году была даже идея создать внутри фракции «ЕР» подгруппу «фронтовиков»: последние не соглашались с позицией партии власти по вопросам об отмене промилле, реформирования ЖКХ, создания публично-правовых компаний, налогообложения индивидуальных предпринимателей, введения часовых поясов. Но попытки обособиться были быстро пресечены партийным руководством.

Сейчас приближается новая избирательная кампания, и конкуренция обостряется. В регионах началась острая борьба между представителями ОНФ и партии власти за формирование избирательных списков. И несмотря на то, что и «ЕР», и ОНФ управляются из администрации президента и обе структуры курируются Вячеславом Володиным, это не мешает им конкурировать.

Конкуренцию провоцирует и новая социология. По данным опроса «Левада-центра», популярность ОНФ за два года значительно выросла. Число тех, кто относится к Фронту целиком или скорее положительно с 2013 года выросло с 38% до 60% в августе 2015 года. А это мощнейший ресурс, создающий эйфорию и завышенные ожидания. На фоне такого головокружения у «фронтовиков» вполне может появиться иллюзия, что прорыву к реальной власти мешает лишь одно – «Единая Россия», сосредоточившая в своих руках контроль над «входами» в парламент. И даже если в любом случае списки будут согласовываться в администрации президента, на стадии предварительного отбора взаимная кампания «на уничтожение» вестись будет обязательно. Чем хуже будет положение «Единой России» и чем выше будет рейтинг ОНФ, тем сложнее Кремлю будет гармонизировать отношение этих двух структур, пусть и работающих под одной «крышей».

ОНФ в определенной степени можно назвать и володинским изданием сурковской Общественной палаты. ОП появилась в конце 2004 года, с началом самых глубоких политических реформ первого путинского срока, и была призвана стать рупором «конструктивного» гражданского общества. В ОП тоже включали «каждой твари по паре»: отраслевники, рабочие, профсоюзы, правозащитники и т.д. Однако все делалось как бы прилично: общественная палата должна была легитимировать спорные действия Кремля, обеспечивая минимально возможный диалог между властью и «моральными авторитетами» в обществе. С уходом Суркова из Кремля Общественная палата практически исчезла из публичного поля. Но ОП повезло несколько больше в другом плане: под нее приняли специальный закон. Но в отличие от ОП, ОНФ – это смесь «Общественной палаты» и «Движения за Путина», а под это закон не примешь. По крайней мере, пока. Кстати, секретарем ОП является Александр Бречалов – сопредседатель Центрального штаба ОНФ. В этом просматривается осторожная попытка ОНФ взять своего рода «шефство» над руинами Общественной палаты (вероятно, чтобы руинами она и стала).

ОНФ – опасное явление в российской политике: оно размывает традиционные институты власти. Это политическое движение, которое получило каналы продвижения законодательных инициатив, не имея легитимности (не пройдя через процедуру выборов) и правовых оснований для участия в принятии государственных решений. Это движение, которое претендует на «снятие» избранных на выборах губернаторов. Это структура, которая играет роль «Оппозиции Его Величества, а не Его Величеству», она взаимодействует с силовиками и противопоставляет себя утвержденному по всем процедурам правительству. ОНФ «присматривает» за министрами, чиновниками, губернаторами, но не подотчетно никому, кроме кремлевских кураторов. Размывая роль традиционных политических институтов власти и институтов государственного управления, делегитимируется роль самой власти, потому что других

инструментов управления, кроме официальных, у нее нет. Получается неестественное противопоставление неформальной власти Путина и формальных государственных структур, где вторые укрепляются за счет первого. И может быть через пару лет никто уже не удивится появлению в Конституции России статьи о «руководящей и направляющей силе» ОНФ в российском обществе.

теги

[Putin](#)

[United Russia](#)

[Путин](#)

[Единая Россия](#)

категории

[Politics](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu